

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

*Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается*

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

Л. Ю. Тугушева

В. В. РАДЛОВ — ЛЕКСИКОГРАФ И ЛЕКСИКОЛОГ

«Словарь живого литературного языка не представляет собой монолитной массы, раз навсегда или даже на некоторый период времени зафиксированной. Наоборот, он все время находится в движении: создаются новые слова, старые слова начинают употребляться в новых значениях, некоторые слова исчезают из употребления, частью совсем, частью лишь в идеях или иных своих значениях, активные слова становятся пассивными и обратно».

(Л. В. Щерба, [О словарях живого литературного языка],— сб. «Современная русская лексикология», М., 1966, стр. 74).

Первоисследователь многих живых и древних тюркских языков В. В. Радлов был одновременно и первоисследователем лексики этих языков. Барнаульский учитель, собирающий и изучающий материалы по малоизученным и неизученным тюркским наречиям Сибири, Алтая, Средней Азии, и академик, исследующий памятники древних тюркских языков,— он в одинаковой мере был вынужден прокладывать путь через подчас нетронутые дебри лексики изучаемых им языков. В течение своей жизни В. В. Радлов в процессе исследовательской работы составил большое число словарей тех языков и письменных источников, которые ему приходилось изучать. Среди них имеются словари такого объема, как словарь к «Кутадгу билиг», словарь орхонских текстов, древнейгургский словарь, словарь османско-турецкого языка, маньчжурский словарь и др., каждый из которых имеет совершенно самостоятельное значение. Но эти словари, за исключением той части мате-

риалов, которая в дальнейшем вошла в «Опыт словаря тюркских наречий», остались неопубликованными.

Подлинным вкладом в дело изучения древних и новых тюркских языков стал изданный при жизни В. В. Радлова четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий», представляющий собой фундаментальный историко-лексикологический источник для изучения тюркских языков.

* * *

К тому времени, когда В. В. Радлов приступил к опубликованию «Опыта словаря тюркских наречий», в тюркологии был накоплен довольно значительный опыт составления двуязычных, в том числе и сравнительных словарей. Уже существовали такие словари, как «Джагатайско-турецкий словарь» В. В. Вельяминова-Зернова (СПб., 1868—1869), «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова (СПб., 1869—1871), «Этимологический словарь» А. Вамбери (Лейпциг, 1878) и др. Но в лексикографической работе В. В. Радлов пошел своим особым путем, который был подготовлен всем характером его деятельности, научных интересов и целей.

В. В. Радлов — ученик и последователь Ф. Боппа, Г. Штейнталя, А. Потта — был сторонником нового для того времени и плодотворного сравнительно-исторического направления. Пионер и новатор по натуре, он выбрал целью своих исследований малоизученные и неизученные языки.

С того времени, когда определилась сфера его научных интересов и он, решив посвятить себя изучению тюркских языков, поехал в Барнаул преподавателем латинского и немецкого языков в местном горном училище, в течение 12 лет своей жизни в Барнауле (1859—1871) он совершал длительные, сопряженные с большими трудностями путешествия в отдаленные районы Алтая, Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В этот период он наряду с большим количеством этнографического, археологического и прочего материала собрал огромный языковой, фольклорный, лексический материал, который был положен в основу «Опыта словаря...».

«Опыт словаря тюркских наречий» был задуман как часть одного общего исследования по сравнительному изучению тюркских языков, которое по замыслу автора должно было состоять из трех частей: текстов, словаря и сравнительной грамматики. Из этих задуманных трех частей работы незавершенной осталась только третья часть — грамматика. Благодаря единонаправленности всей работы в словаре нашли свое воплощение морфологические, фонетические и прочие взгляды и идеи В. В. Радлова.

Первый список слов, куда в основном вошел материал диалектов алтайского языка, был составлен В. В. Радловым в 1859—1860 гг. Позднее этот список был дополнен материалами киргизского и казахского языков, материалами диалектов хакасского и уйгурского языков и в 1864 г. был представлен в первом варианте вместе с I томом «Образцов народной литературы тюркских племен» для опубликования, но опубликован тогда не был. Вплоть до 1888 г., когда словарь начал печататься, и в процессе печатания он постоянно дополнялся и перерабатывался на основе все новых и новых материалов, в общей сложности в течение 52-х лет, и этим объясняется некоторая «многослойность» в построении словаря. Несмотря на это, В. В. Радлов считал словарь неполным и писал в предисловии, что «словарь не имеет претензии на полноту»^а, «желательной полноты достичь во всяком случае невозможно»^б, и это нашло отражение в названии «Опыт словаря...».

«Опыт словаря тюркских наречий» выходил с 1893 по 1911 г. в 24-х выпусках (ок. 70 000 словарных единиц). Он представляет собой трехязычный тюркско-русско-немецкий словарь. В нем использован материал примерно сорока тюркских языков и наречий и такого же количества других источников — как первоисточников, так и словарей. Словарь впервые ввел в научный оборот огромный лексический материал неизученных и малоизученных языков и диалектов, а также богатый материал древних письменных памятников, который был собран В. В. Радловым лично. обстоятельный обзор источников, использованных в словаре, их характеристика и сведения о степени их достоверности даны в предисловии О. Прицака ко второму изданию словаря^в. Здесь мы попытаемся осветить некоторые лексикологические принципы построения этого словаря, ставшего основой, на которой базировалась тюркская лексикография последующих лет.

Объединение в одном словаре с целью сравнения лексики разных тюркских языков, древних и новых, ставило перед исследователем множество разнообразных проблем. Прежде всего нужно было преодолеть противоречие, заключающееся в том, что примерно равное количество фонологически противопоставленных единиц в каждом отдельно взятом тюркском языке сочетается со значительными расхождениями в произношении (т. е. в признаках) фонем, занимающих одно

^а В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, стр. IV.

^б Там же.

^в W. Radloff, Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. Mit einem Vorwort von Omeljan Pritsak, Bd I, Gravenhage, 1960, стр. XIV—XVII.

и то же место в фонологической системе отдельных тюркских языков (ср., например, передвижение гласных в тюркских языках Поволжья). Это обстоятельство еще более осложнялось тем, что этимологически тождественные слова в различных языках и источниках представлены не только в разных фонетических, в вышеуказанном смысле слова, но и в разных графических и диахронических вариантах. Кроме того, в словаре подобного характера требовали своего решения такие вопросы, как семантическое несоответствие этимологически тождественных слов в разных языках и многое другое. Эти вопросы получили успешное для своего времени решение в системе транскрипции и в общей структуре словаря.

В. В. Радловым на основе русской академической транскрипции была выработана для словаря особая система транскрипции, которая включает в себя 17 знаков для гласных и 34 знака для согласных звуков. Кроме того, введены специальные знаки для обозначения долготы, краткости (или беглости), пропуска гласного, зияния, полного закрытия голосовой щели между двумя согласными, палатализации. При значительно меньшем количестве гласных и согласных фонем в каждом отдельно взятом тюркском языке указанное число знаков давало возможность отразить основные произносительные варианты фонем в отдельных языках.

Структура словаря В. В. Радлова принципиально расходится с принятой в то время структурой сравнительных словарей, которые строились по преимуществу как словари гнездовые. В отличие от них «Опыт словаря тюркских наречий» — сравнительный словарь, построенный по алфавиту.

Указанная система транскрипции позволяла отразить фонетические, графические, диахронические и прочие варианты этимологически тождественных слов в разных языках, наречиях и диалектах, а алфавитная структура словаря давала возможность выделить каждый такой вариант в самостоятельную словарную статью. Например, слово со значением «верблюды» имеет в словаре варианты: *тѵ, тӱвӱ, тӱӱ, тебӱ, дӱбӱ, тӱвӱ, тӱӱӱ*; слово со значением «кость» — варианты: *сѵк, сѵӱк, сӱӱк, сӱӱк, сӱӱк*; служебное имя от *уст* представлено в вариантах: *устӱндӱки, устӱндӱги, устӱндӱги, устӱндӱги* и т. д.

Подобная структура словаря, в которой все варианты одного гнезда слов получили самостоятельное место и разработку, позволяла отразить расхождение семантической структуры этимологически тождественных слов в отдельных языках: ср. *улан* с пометой телеутск. 'юноша, молодой человек'; *улан* татарск., караимск. 'молодой человек, ребенок'; *казахск.* 'взрослый'; *облан* шорск., команск., ос-

манск. 1) 'молодой человек, юноша, мальчик'; 2) 'слуга'; облан чагатайск. 'потомки и родственники царствующего дома у монголов';

копуз османск. 1) 'музыкальный инструмент с одной струной'; 2) 'арбуз'; *кобус* шорск. 'балалайка'; *кобус* уйгурск. 'музыкальный струнный инструмент'; *кобуз* караимск. 'скрипка'; казахск., киргизск. 'киргизская скрипка'; тарапч. 'варган';

орундук с пометой чагатайск. 'подушка на седле'; казахск. 'скамейка, стул'; караимск. 'одр, кровать'.

Отдельное место в словаре получили не только варианты, но и такие слова, которые представлены в адекватной форме, но несколько различаются семантическим объемом: *кәмір*⁻² 'грызть', *кәмір*⁻⁴ 'свалить, уронить'. В этом плане вопрос о вариантах слов в «Опыте словаря тюркских наречий» тесно переплетается с вопросом об омонимах.

Омонимия понимается В. В. Радловым довольно широко. Как омонимы в разных словарных статьях в соответствующей нумерации даются не только действительные омонимы, не только омонимы, появившиеся в результате развития значения, но и совпадающие по звучанию основы имен и глаголов, варианты слов с долгими и краткими гласными в основе и указанные выше собственно адекватные слова. Например, *кәмі*¹ 'лодка, судно'; *кәмі*⁻² 'уменьшаться, убывать'; *кәмі*⁻³ 'уменьшаться, ухудшаться'; *күлүс*¹ 'смех, веселье'; *күлүс*² 'ключ'; *күлүс*⁻³ 'смеяться вместе, смеяться друг над другом'; *кәбір*² 'могила'; *кәбір*³ 'могила'; *кәсә*² 'чашка', *кәсә*³ 'чашка'; *кәңәш*¹ 'совет, совещание'; *кәңәш*⁻² 'дать совет, просить совета, советоваться'; *кыјын*² 'мучение; наказание, розги'; *кыјын*³ 'трудный, тягостный'; *кәңім*¹ 'род военной одежды, латы (надеваемые на людей, слонов и лошадей)'; *кәңим*² 'чепрак, подстилка под седлом'; *кәңә*² 'вечер, ночь'; *кәңә*³ 'вчера'; *кәмпір*¹ 'старуха'; *кәмпір*² 'старуха' и т. п. наряду с действительными омонимами типа: *курбу*¹ 'выпуклая поверхность, гряды в поле, ряды скошенной травы...'; *курбу*² 'ровесники'; *курма*¹ 'установление, устройство, приведение в готовность'; *курма*² 'деревянная чаша'; *кул*¹ 'раб'; *кул*² 'рука'. С другой стороны, в словаре встречаются случаи, когда в пределах одной словарной статьи даются омонимы типа: *јат*- 'лежать', *јат*- 'разостлать'; *тап* 'подражание звуку удара'; *тап* 'клякса, пятно, помарка'; *тер* 'пот'; *тер* 'женская обувь'.

В словаре В. В. Радлова в отличие от других словарей получили самостоятельное место тождественные слова с начальными глухими и звонкими вариантами согласных, как, например: *пир/бир*, *пош/бош*, *тар/дар*, *тала/дала*, *пөйк/бө-*

лѣк. В таком делении впервые, задолго до научного осмысления этого факта, нашло отражение то обстоятельство, что по свойственной некоторым тюркским языкам системе фонетических противопоставлений глухость и звонкость не являются релевантными признаками фонем.

Взяв за основу русскую академическую транскрипцию, В. В. Радлов заимствовал и своеобразный порядок знаков этой транскрипции, построенной по артикуляционному принципу. Однако, имея некоторые преимущества в подаче материала, этот непривычный порядок оказался непрактичным и неудобным при пользовании словарем. Это сознавал и сам В. В. Радлов и писал в предисловии: «Я далек от того, чтобы считать этот порядок лучшим (я предполагал бы теперь обыкновенный порядок русского алфавита), но придерживаюсь его во избежание новой переработки словаря»^г.

Сравнение родственных слов и форм в словаре осуществляется с помощью системы отсылок: «Чтобы облегчить сравнение наречий между собой, я указываю у каждого слова на родственные и соответствующие слова всех других наречий, так что читатель имеет возможность без всякого труда проследить и отыскивать связь родственных форм»^д.

В целях облегчения сравнения слов с тождественными основами в словаре дается морфологическая схема слова в соответствии со взглядами автора на морфологическую структуру слова; в словах со сложной структурой выделяются основа и аффикс, с помощью которого образовано данное слово (ср. его деление слова на *Inhaltsstoff* + *Formstoff*; *Stamm* + *Bildungsaffixe* + *Biegungsaffixe*)^е. Таким образом, В. В. Радлов не уходит от сложных вопросов грамматической характеристики слов. Давая морфологическую характеристику каждого производного слова, он вносит свою лепту в становление морфологической теории в тюркском языкознании не только своими специальными работами в этой области, но и через словарь.

Словарная статья в «Опыте словаря тюркских наречий» состоит из заглавного слова, после которого следуют указание на язык или источник, из которого взято это слово, этимологическая ссылка на язык-первоисточник в нетюркских словах и морфологическая схема тюркских слов с производной основой; вслед за этим даются отсылки с указаниями вариантов, толкование слова на русском и немецком языках

^г В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, Предисловие, стр. V.

^д Там же, стр. VI.

^е W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk Sprachen, — ЗАН, сер. VIII, т. VII, № 7, стр. 28.

и иллюстративный материал с переводом на русский и немецкий языки.

Как известно, наиболее ответственной задачей при составлении словаря, решение которой в конечном счете определяет его качество, является установление значений слов. В «Опыте словаря тюркских наречий» в громадном большинстве случаев дается обозримое и четкое представление о семантической структуре и границах слова. Перевод значения отличается точностью и краткостью без нагромождения синонимов.

Конечно, если сравнить трактовку значения слов в словаре В. В. Радлова и в других, более поздних словарях, то нередко можно видеть довольно значительные расхождения, которые либо являются следствием того, что в словаре В. В. Радлова отражены не основные, а вторичные, производные значения слов (ср.: *сиңдир-* 'переваривать', Р Сл., т. IV, стр. 689 и *сиңдир-* 1) 'способствовать выпитыванию'; 2) 'способствовать перевариванию (пищи в желудке)'; 3) перен. 'способствовать усвоению, внедрению чего-л.', Каракалпакско-русс. сл., 1958), либо объясняются иной последовательностью в подаче доминирующего, основного, и производного значения (*бакыр* 1) 'мелкая монетная единица', 2) 'медь', Р Сл., т. IV, стр. 1439; *бакыр* 'медь'; 'медный'; *бакыр тыйын* 'медная копейка', Каракалпакско-русс. сл., 1958), иным членением семантики слов и многими другими обстоятельствами, включая и сугубо объективные, как, например, недостаточная изученность и ненадежность некоторых источников, которыми пользовался В. В. Радлов^ж.

Эти же расхождения при выборочном подходе приобретают огромное историко-лексикологическое значение, свидетельствуя об изменении семантической структуры слова и развитии значения. Ср., например:

<i>баб</i>	о с м. 1. веревка, шнурок, узы; 2. небрежность, слепота; 3. магическая повязка для предупреждения боли в пояснице. Р Сл., т. IV, стр. 1446.	<i>bağ</i> II	1. связь, связка, узел; 2. бандаж, повязка, бинт; 3. обойма. Турецко-русс. сл., 1945.
<i>кубур</i>	о с м. 1. труба, свинцовые трубы водопроводов; 2. открытая галерея в осадных работах; 3. футляр; 4. узкая, длинная вещь. Р Сл., т. IV, стр. 1037—1038.	<i>kubur</i>	1. длинный сосуд в форме цилиндра; банка; 2. унитаз; 3. кобура; 4. длинный, тонкий (как труба). Турецко-русс. сл., 1945.

^ж Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte, Bd I, стр. XIV—XVII.

<i>байсал</i>	казахск. смиренность, мир, согласие, спокойствие. Р Сл., т. IV, стр. 1430.	<i>байсал</i>	спокойствие, Казахско-русск. 1954.	покой. сл.,
<i>кумай</i>	казахск. 1. смиренная лошадь; гончая собака туркменской породы. Р Сл., т. IV, стр. 1044.	<i>кумай</i>	уст. сказочная Казахско-русск. 1954.	собака. сл.,
<i>кубалак</i>	татарск. голубой. Р Сл., т. IV, стр. 1035.	<i>кубалак</i>	дощечка под улья. Татарско-русск. 1966.	крышей сл.,

Точно так же об изменении лексического состава отдельных языков свидетельствует отсутствие в словарях, изданных в позднейшее время, некоторых слов или значений, представленных в словаре В. В. Радлова (как, например, *бакалтаи* казахск. 'карлик', *бакыр* казахск. 'ковш' наряду с *бакыраш*, *кубас* казахск. 'вертеться, вращаться кругом'; *кузыр* татарск. 'украшение или решетка у саней; щеголь' и т. п.), которые перешли в разряд малоупотребительных или вышли из употребления.

Значение словаря не исчерпывается тем, что он представляет собой системное описание лексики тюркских языков. «Опыт словаря тюркских наречий» оснащен огромным иллюстративным материалом. В. В. Радлов, который высоко ценил яркую образность, богатство, изощренность народной речи, отражающей народную мудрость, бережно зафиксировал это богатство: иллюстративная часть словаря пересыпана пословицами и речениями, ходовыми и образными выражениями народной речи; она является неисчерпаемым источником сведений реально-бытовых, этнографических, исторических и пр. и имеет совершенно самостоятельную ценность. Эти сведения, зафиксированные в словаре, тем более ценны, что со временем многие детали дореволюционного быта тюркских народов отходят в область прошлого.

Но этот материал представлен в словаре, по существу, в лексикографически не обработанном виде. В словарной статье не выделены особо устойчивые сочетания; свободные сочетания перемежаются в ней с устойчивыми сочетаниями и фразеологизмами. Богато представленная в словаре фразеология растворена в общей массе иллюстративного материала, что в полной мере объясняется общим состоянием лексикографии того времени. Но это обстоятельство неизбежно влечет за собой возможность нечеткой дифференциации значений слов, так как обусловленное значение выделяется наряду с доминирующим и, наоборот, в пределах одного нерас-

члененного значения даются примеры, иллюстрирующие значения, выходящие за пределы указанного. Так, например, в статье на слово *јол* со значением «дорога, улица» приводятся сочетания: *јол айри*, *јол кјады*, *јол намй* 'подорожная, паспорт', *јол тутмак* 'следовать [по] дороге, идти по дороге'; *јолдан шашмак* 'потерять дорогу', *јол шаштыбы јарда* 'на том месте, где дорога разделяется', *јол абы* 'место, где пересекаются две улицы', *јол вярмак* 'дать кому дорогу, пропустить; дать отпуск, отпустить (прислугу)'; *јол вурмак* 'грабить на дороге', *јол вуруцы* 'грабитель'; *јол бахламак*, *капамак* 'загородить улицу', *јол булмак* 'найти дорогу, достигнуть чего'; *су јолы* 'канал, водопровод', *јол оды* 'подорожник', *кыра јолы* 'Млечный Путь', *дамир јол* 'железная дорога'; на другое значение этого слова — «образ» — приводятся примеры: *бу јолда* 'таким образом', *сёзи јол илй сбилар* 'он говорит путно', *иш јолуна гирди*, *гајди* 'дело устроилось', *јола комак* 'поставить в порядок', *јол билмак* 'знать свое дело', *адам јолында*, *аји јолда* 'хорошим образом, как следует', *ватан јолында* 'на пользу отечеству', *накк јолуна* 'ради бога!'; на слово *куш* 'птица' даются сочетания: *куш палазы* 'птенец', *су куш* 'утка', *тодык ала куш* 'павлин', *куш кулү* 'колонок', *кара куш* 'орёл', *дава кушу* 'страус', *куш аймайји* 'ежовый глаз', *куш бурну* 'клюв, шиповник', *куш узуму* 'мелкий виноград, коринка', *куш конмаз* 'спаржа', *куш атасы* 'Новый порт', *куш авлаицы* 'охотничья птица', *куш тутмабы* 'ловля птиц, род силка', *куш јамй* 'крупное просо', *куш локуму* 'печенье', *куш һанй* 'клетка', *куш башы* 'снежинка', *гајй кушу* 'человек, который любит обращать ночь в день, ночная птица', *куш башы* 'снежинка' и т. д.

Эти моменты не снижают значения иллюстративного материала в словаре. Примеры, приводимые В. В. Радловым, отличаются естественностью и ненадуманностью и во многих случаях отражают язык устного народного творчества и живую речь носителя, а трактовка значений отличается четким представлением и точностью деталей описываемого быта. По конкретности и точности толкования деталей словарь В. В. Радлова во многих случаях остается до настоящего времени непревзойденным.

Благодаря богатому иллюстративному материалу словарь позволяет составить четкое представление о семантическом объеме и границах слов и становится неисчерпаемым не только лингвистическим, но и фольклорным и историко-этнографическим источником.

Издание «Опыта словаря тюркских наречий» послужило громадным толчком в дальнейшем развитии как тюркской ле-

ксикографии и лексикологии, так и других областей тюркологии. Раскрыв перед исследователями новые, неведомые пласты лексики, словарь стал ключом к проникновению в старые и новые тюркские языки.

Словарь зафиксировал для науки слова и значения, которые в настоящее время относятся к числу забытых и утраченных.

«Опыт словаря тюркских наречий» не утратил своего значения до сих пор. В 1927 г. под председательством акад. С. Ф. Ольденбурга была создана комиссия по переизданию словаря, в состав которой вошли В. В. Бартольд, Э. К. Пеккарский, И. Ю. Крачковский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, К. К. Юдахин, Н. К. Дмитриев. В апреле 1928 г. комиссией по переизданию словаря был составлен проспект, в котором отмечалось, что «спрос на „Опыт словаря тюркских наречий“ Радлова продолжает возрастать»³. В проспекте предусматривалось внесение в новое издание словаря ряда исправлений и дополнений, в частности изменение транскрипции слов из «Кутадгу билиг» в соответствии с соображениями, высказанными по этому поводу В. Томсенем, изменение транскрипции слов из чагатайского языка, включение дополнительного количества цитат там, где слова или значения не подтверждены цитатами. Предусматривалось также пополнение словаря новыми материалами. Однако поскольку тюркская лексикология к этому времени пошла по пути составления полных словарей отдельных тюркских языков, совершенно исключалась мысль о превращении словаря в полный общетюркский словарь, и пополнение словаря ограничивалось строгими рамками: решено было ввести слова из использованных В. В. Радловым источников, пропущенные им; дополнить первые выпуски словаря данными из тех источников, которые были привлечены В. В. Радловым в более поздних выпусках, и из источников, открытых позже, имеющих общетюркологическое значение (словари Махмуда Кашгарского, Ибн Муханны и др.). Предполагалось также дополнить словарь толкованиями слов на турецком языке. Но план этот остался неосуществленным.

Потребность в словаре ощущалась столь остро, что впоследствии он был переиздан дважды без изменений: в 1960 г.⁴ и в 1963 г. Издательством восточной литературы (Москва).

³ Комиссия по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Проспект, Л., 1928, стр. 2.

⁴ W. Radloff, Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte.

* * *

С тех пор как в 1890 г. английским офицером Боуэром в Шах-яре была найдена санскритская рукопись на березовой коре, относящаяся к IV в., Восточный Туркестан, благодаря сухому климату оказавшийся естественным музеем древностей, стал привлекать внимание ученых. В конце XIX и в начале XX в. в Восточный Туркестан направляются многочисленные экспедиции из разных стран и оттуда наряду с обильным археологическим, этнографическим и прочим материалом вывозится значительное количество рукописей, среди которых было много тюркских. Благодаря усилиям русских путешественников, коллекционеров, исследователей (Д. А. Клеменца, М. Березовского, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, С. Ф. Ольденбурга, Н. Н. Кроткова, Н. Ф. Петровского, А. А. Дьякова, А. И. Кохановского, С. Е. Малова и др.) большая часть рукописей была доставлена в Петроград. Изучение тюркских рукописей из Восточного Туркестана показало, что они принадлежат уйгурам — древнему и культурному населению Центральной Азии — и представляют собой памятники более древней, домусульманской тюркской литературы, написанные на особом архаичном тюркском языке, который стал известен в литературе под названием древнеуйгурского.

«После всестороннего изучения тюркских рунических памятников в тюркологии наступила не менее знаменательная эпоха разработки рукописных и ксилографических памятников уйгурского письма»^к. Для изучения этой культуры была создана специальная международная организация и как филиал ее — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии.

В. В. Радлов с присущим ему энтузиазмом одним из первых приступил к изучению восточнотуркестанских тюркских памятников. В общей сложности им опубликовано около полутора сотен текстовых памятников, в числе которых имеются такие выдающиеся, как уйгурская версия сутры *Suvarṇaprabhāsa* (Altun jarıq), *Ṭiṣastvustik-sūtra*, *Kuan-ṣi-im-pusar* (перевод XXV главы китайской версии сутры *Saddharmapuṇḍarīka*), манихейская покаянная молитва Хуастуанифт, большое число хозяйственных и юридических документов. Одновременно с публикациями В. В. Радлов собирает и изучает лексику вновь открытых памятников древнеуйгурского языка. Слова с пометой *uig*, которые ранее приводились им в «Опыте словаря тюркских наречий», не отражают уйгурского язы-

^к С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 96.

ка в собственном смысле слова. Они взяты из сочинения Юсуфа Хасхаджиба Баласагунского «Кутадгу билиг», язык которого в настоящее время известен в литературе под названием караханидского. Полный свод лексики по памятникам собственно древнеуйгурского языка, изучением которых в последний период своей жизни В. В. Радлов занимался, представлен в древнеуйгурском словаре, который, надо отметить с сожалением, остался неопубликованным. При жизни автора было набрано 96 страниц корректуры этого словаря.

Особое значение древнеуйгурского словаря состоит в том, что он содержит в себе пласты лексики из сочинений буддийского, манихейского, несторианского содержания и др., отражающих весьма специфическую культуру.

Принципы построения древнеуйгурского словаря в общих чертах совпадают с теми, которые имеют место в «Опыте словаря тюркских наречий», с той разницей, что в данном случае материал представлен в основном в одной системе графических знаков, что несколько упрощает задачу составителя. В древнеуйгурском словаре при каждом слове дано его оригинальное написание уйгурским письмом.

Может быть, В. В. Радлову, который «не был тюркологом с уклоном в синологию... не был тюркологом с уклоном в иранистику»¹, при том состоянии уйгуроведения, которое тогда имело место, не всегда удавалось идентифицировать и раскрыть отдельные термины, но в целом исследования В. В. Радлова в этом направлении заложили основу дальнейшего всестороннего изучения древнеуйгурских письменных памятников. Индекс слов к сутре Altun jaraq, составленный В. В. Радловым и С. Е. Маловым, и материалы древнеуйгурского словаря были использованы при составлении «Древнетюркского словаря» (Л., 1969) в Институте языкознания АН СССР.

Лексикографические работы В. В. Радлова явились базой, на которой основываются достижения современной тюркской лексикографии и могли возникнуть такие выдающиеся работы по лексике тюркских языков, получившие мировую известность, как «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина и «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского.

¹ Там же, стр. 107.